

Кукольник Нестор Васильевич

Исторические повести

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н56

Н56   **Нестор Васильевич К.**
Исторические повести / Кукольник Нестор Васильевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 118 с.

ISBN 978-5-519-91668-4

ISBN 978-5-519-91668-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЕРЖАНТЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ИВАНОВЪ,

или

ВСѢ ЗАОДНО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

—

I.

Вступленіе.

Недалеко отъ провинціального города Костромы, почти по сосѣдству съ татарскою слободою, на небольшой возвышенности, стоялъ барскій дворъ вдовы Ландышевой; нѣсколько повозокъ и привязанныя къ нимъ лошади не оставляли никакого сомнѣнія, что у Варвары Сергѣевны гости, а по опрятному виду и лошадей, и повозокъ, и сбруи, можно было заключить безошибочно, что гости изъ города высокаго ранга, потому что между разнаго рода рыдванами была и карета! Въ Костромѣ — керета! И когда? Въ началѣ XVIII столѣтія! Неудивительно, что у самыхъ воротъ стояла толпа зѣвакъ обоого пола, изъ большой сосѣдней вотчины Варвары Сергѣевны, да изъ татарской слободы.

— Знать, Ерема, самъ воевода, въ этой избѣ пріѣхалъ, сказалъ Иванъ, высокій и статный парень, въ дешевомъ, но опрятномъ кафтанѣ.

— Видишь, отвѣчалъ Ерема, указывая на карету:—и окна въ избѣ поотворяли; стало быть провѣтриваютъ.

— Вѣстимо, провѣтриваютъ! А что, Ерема, когда бы намъ, съ Домной, въ воскресенье, да къ вѣнцу на такомъ дивѣ поѣхать!

— Видишь, выдумалъ! Воевода—полковникъ, такъ ему и по чину въ такой повозкѣ ѣздить. А ты и въ саняхъ доѣдешь.

— Лишь бы только доѣхать. Что-то барыня скажетъ? Вотъ мы и теперь, съ Домной, пришли позволенія просить. Анъ тутъ гостей нанесло изъ города! Станетъ она съ холопьями толковать.

— Ну, такъ завтра!

— Неровенъ часъ, Ерема... Какъ баричъ дома, да не спитъ, такъ къ барынѣ приступу нѣтъ. Надо такъ норовить, чтобы баричъ съ татарами псовъ гонялъ по полю, али чтобы по Волгѣ дичь стрѣлялъ съ дядькой, али чтобы, гдѣ ни есть, къ дѣвушкамъ приставаля. А такъ еще, чего добраго, наткнешься на бѣду.

— Да, шутникъ баричъ, нечего сказать.

— Хорошъ шутникъ! Третью невѣсту отъ Андрюшки во дворъ оттягалъ... Дитя, говоритъ барыня; оборони Богъ отъ такого дитяти!

Въ это самое время, на небольшомъ конѣ, подѣхалъ молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати; онъ былъ одѣтъ въ короткій полушубокъ, тонкаго синяго сукна, съ бобровой опушкой; на головѣ соболя шапочка съ кутаси-

комъ, какъ тогда носили дворянскіе дѣти. За нимъ на огромномъ Донъ-Кихотовскомъ Росинантѣ, во весь галопъ, скакалъ Ефремычъ, дядька Ландышева. И руки и ноги, болтаясь, показывали, какъ онъ спѣшилъ за дорогимъ питомцемъ; наконецъ, нѣсколько человѣкъ верховыхъ (такъ и назывались) заключали поѣздъ. Володя наскочилъ на толпу и кричалъ, размахивая плетью:

— Раздавлю, раздайся!

Бѣдные зрители разбѣжались: одинъ только Иванъ, схвативъ за руку дорогую свою Домну, посторонился съ дороги и не бѣжалъ отъ наѣздника дальше. Володя грозно посмотрѣлъ на смѣлаго холопа, на Домну и вскрикнулъ:

— Тыфу ты, чортъ, какая хорошенькая!

Въ одно мгновеніе соскочилъ съ лошади, подалъ уздцы Ивану и сказалъ, не глядя на него:

— Держи, болванъ! — Изъ чьей ты волости, красавица?

— А вонъ изъ Кудиновки, отвѣчала дѣвушка, покраснѣвъ по уши.

— Изъ нашей волости! Да какъ же я про тебя ничего не зналъ. Видишь ты, старый чортъ! Что ты, вѣрно, для себя ее пряталъ?!

Это обращеніе относилось къ Ефремычу. Съ трудомъ удержавъ сухопараго, вислоухаго своего коня, Ефремычъ отвѣчалъ почтительно:

— Володимерь Степанычъ, а Володимерь Степанычъ! Того... всѣхъ не усмотришь!

— Знаю я тебя, старый котъ! Самъ ты лакомка. Мало тебѣ, что ли, послѣ барина остается? Какъ тебя зовутъ, душка? спросилъ онъ дѣвушку.

— Домной, отвѣчала она и заплакала.

— Ну, такъ поцѣлуй меня, сказалъ Володя, схвативъ ее за обѣ руки.

— Не замай! закричалъ Иванъ, внѣ себя отъ ревности и гнѣва.

И оттолкнулъ Володю такъ небрежно, что тотъ не устоялъ на ногахъ и покатился подъ ноги Росинанту... Ужасъ сдѣлался общимъ, Ефремычъ и верховые спѣшились и бросились на Ивана. Несчастный понялъ свое преступленіе и, молча, позволилъ связать себя.

— Ведите его на конюшню, озорника! Вотъ я его! Домну, Ефремычъ, въ чулочницы! Слышь, сейчасъ въ чулочницы. Я съ нею управлюсь по своему!

Пока Ефремычъ приводилъ въ исполненіе приказаніе Володи, изъ воротъ высыпало болѣе ста слугъ разнаго рода и званія; всѣ кричали хоромъ.

— Володимеръ Степанычъ, маменька кличетъ.

— Скажи: некогда, отвѣчалъ грубо Володя;— а коли нужно, пускай придетъ на конюшню. У меня свое дѣло!

Слуги безмолвно стояли, не рѣшаясь противорѣчить Володѣ; одинъ только шутъ домовый, карликъ Кирилло, осмѣлился подойти къ нему и жалобно доложилъ:

— Дитятко наше ненаглядное! ступай къ маменькѣ! Воевода тебѣ изъ провинціи гостинца привезъ!

— Какой воевода?

— Полковникъ, самъ полковникъ, Любимъ Александровичъ, какъ его матушка кличетъ.

— Грибоѣдовъ, что ли? Да онъ съ нами не-знакомъ.

— Видишь, у нихъ, у воеводъ, такой глупый норовъ: со всѣми знакомы, съ кѣмъ только имъ вздумается... А гостинецъ важный, говоритъ воевода. Матушка его допрашивала; не признается, толкуетъ: обождемъ Володимера Степаныча:

— Ефремычъ! закричалъ обрадованный Володя:—ты свое дѣло дѣлай; я на конюшнѣ уже позабавлюсь; а Домну въ чулочницы, на задній дворъ, въ старыя хоромы!

И опрометью бросился въ свои покои.

II.

Полковникъ старыхъ временъ.

Дома нашихъ до-петровскихъ дворянъ были весьма оригинальнаго устройства. Жилой домъ состоялъ: изъ большой палаты, соединявшей въ себѣ нашу гостиную, залъ и столовую; изъ сѣней, безтолково раздѣлявшихъ большую палату отъ двухъ, рѣдко трехъ комнатъ, гдѣ были спальня, образная и нарядная или уборная комната, родъ кладовой. Наверху свѣтлица, или лучше сказать, мезонинъ, домашняя гостиная для короткихъ гостей. Иногда надстраивались терема для большой семьи. Но чаще дѣти мужескаго пола жили въ особыхъ домахъ на томъ же дворѣ, подобнымъ же образомъ расположенныхъ. Нерѣдко случалось, что на одномъ дворѣ стояло два или три жилые дома, да столько же для разнаго рода дворни и че-

ляди, да амбары, да то, да сѣ; словомъ, барскій дворъ походилъ болѣе на городокъ и кругомъ почти всегда обносился бревенчатымъ или дощатымъ высокимъ заборомъ, съ огромными съ двухъ сторонъ воротами и многими калитками.

Когда Володя вошелъ въ большую палату, глазамъ его представилась великолѣпная картина, какую онъ видывалъ (и всегда съ особымъ удовольствіемъ) только по высокаторжественнымъ днямъ именинъ его, да матушки. Какъ и въ оныя блаженные дни, на длинномъ и узкомъ столѣ разставлено было многое множество разнаго рода мясъ, рыбъ, закусокъ, соусовъ, холодныхъ и разныхъ блюдъ; во флягахъ разнаго фасона покоились наливки, пиво, медъ; а посрединѣ, вытянувшись, торчала длинная бутылка заморскаго вина. Какое то было вино, ни Варварѣ Сергѣевнѣ ни Владиміру Степанычу не было извѣстно, потому что оно было подарено праждѣ Владиміра Степаныча съ царскаго стола, когда онъ, послѣ какого-то похода, былъ удостоенъ приглашеніемъ къ обѣду въ Грановитую палату.

— «Возьми, Ландышъ», сказалъ государь, посылая бутылку:—пей на здоровье!

— Стану я пить! подумалъ Ландышъ.

Карманы въ то время были нарочито просторные; поджарая заморская бутылка, и съ пробкой, спряталась подъ жалованнымъ съ плеча царскаго кафтаномъ. Во время стола, продолжавшагося до глубокой ночи, и послѣ стола, Ландышъ и ходилъ и сидѣлъ, подбоченясь лѣвою рукою, чтобы въ тѣснотѣ подарка ему не

раздавили. Когда онъ воротился въ уѣздъ, всю бутылку залили смолой, уложили въ ящикъ съ серебряными скобками, заперли большимъ замкомъ ради безопасности, поставили не въ погребъ, а въ уборную, и покрыли запасными перинами. Изъ этого тайнаго убѣжища ящикъ выходилъ на свѣтъ Божій только въ самыхъ высокаторжественныхъ случаяхъ; его ставили на столъ, хозяинъ рассказывалъ исторію бутылки; представлялъ ее на всеобщее благоусмотрѣніе... только усмотрѣніе, потому что тотчасъ опять ее пряталъ, запиралъ и клалъ ключъ въ карманъ, съ соотвѣтственною такой важной церемоніи гордостью. Уваженіе къ заморскому этому вину достигло до такой степени, что ему приписывали, цѣлебныя, даже магическія качества. Когда отецъ Владиміра Степаныча былъ на одрѣ смерти, общимъ соборомъ родственниковъ Степана Владиміровича предложено было вскрыть тайную бутылку и дать больному десять капель завѣтнаго вина; но, пока дошло до окончательнаго рѣшенія, Степанъ Владиміровичъ совсѣмъ умеръ. Какая же могла быть причина, что Варвара Сергѣевна рѣшалась нарушить завѣтъ отцовъ и откупорить бутылку? Какіе же могли быть гости, для которыхъ приносилась такая жертва? Всѣ эти гости состояли въ одной, единственной персонѣ—и эта персона былъ костромской воевода, полковникъ Любимъ Александровичъ Грибоѣдовъ. Напрасно отпѣкивался онъ ото всѣхъ предложеній Варвары Сергѣевны.

— Балычка, батюшка Любимъ Сергѣичъ!

— Не хочу.

— Тамъ вотъ стерляди! Право, мой Володя самъ сегодня на Волгѣ изловиль...

— Не ѣмъ.

— Такъ позволь уже хоть зайца кусочекъ. Володя, ономнясь, съ татарами затравиль его подъ самой провинціей.

— Заяцъ—кошка!

— Такъ хоть горошку прикушай; самъ Володя съ Палашкой подсахариваль.

— Что я, корова, что ли? Стану я всякую зелень ѣсть!

— Ахти, Господи, да я не въ обиду твоёму сіятельству...

— Высоблагородію!

— Прости, виновата, я и не знала, что у тебя такая высокая ранга.

— Шестого класса.

— Слушаю, батюшка, покорнѣйше благодарствуй за просвѣщеніе... А ужъ такіе грузди, самъ Володя съ дѣвками и собираль, и солиль... Милости твоей позволь доложить, онъ такой у меня хозяинъ, что, право, въ околodкѣ и старика такого не сыщешь; и людей въ страхѣ Божіемъ держитъ, духу боятся... А ребенокъ, самъ изволишь вѣдать, совсѣмъ дитя. И лѣта какія? Вотъ, послѣ Богоявленія, девятнадцатый годокъ только пойдетъ.

— Пора на службу.

— Что ты, батюшка, гдѣ таки ребенку служить! До вечера не выдержитъ.

— Небось, не околѣетъ!

— Прости Господи, вѣдь Володя хоть и ребенокъ, а всетаки человѣкъ.

— А коли человѣкъ, такъ подай его на служ-

бу, сказалъ полковникъ сурово.—Я уже сколько за нимъ присылалъ; а ты ихъ: — кого опоишь, кого окормишь, кого всякимъ соблазномъ испортишь, а государственной службѣ уцербъ... Такъ вотъ самъ за нимъ, со всею воеводской канцеляріей, пріѣхалъ!

— Батюшка, государь, высокоблагородіе, завопила Варвара Сергѣевна, заливаясь слезами. — На богадѣльню дамъ пятьдесятъ крестовиковъ, государю двухъ солдатъ подарю, только не тронь моего Володи! Ну, дворянское ли дѣло на ряду съ холопьями ходить? Вотъ, когда я была въ провинціи, питербурхскіе полки проходили; сама видѣла, батюшка, сына моей золовки Анны Алексѣевны. Въ солдатскомъ мундирѣ, ногами на площади такъ и выбрасываетъ, вмѣстѣ съ холопскими дѣтьми... И сукно одно, и какое сукно — душу намозолить! И ружье такое же, словно пушка; моего Володю въ три погибели согнетъ, изломлетъ, видитъ Богъ изломлетъ ребенка... Право, двухъ солдатъ, да пятьдесятъ крестовиковъ возьми...

— Врешь! Дашь больше!

— Дамъ, батюшка, какъ не дать! Вѣдь тебя недаромъ государь и полковникомъ, и воеводой поставилъ! Вотъ, право, государь, дай Богъ ему многія лѣта, какой онъ примѣтливый! Сразу угадаетъ, кому какое дѣло съ руки... И насъ милуетъ, да жалуетъ по-отцовски... Дай ему Господи всякаго благоденствія! Мы прежде подушнаго по 80 копѣекъ платили, а нынче, видно, на войнѣ денегъ Богъ ему послалъ, указалъ брать по 74 копѣйки; 6 копѣекъ, кажется, ничего, а трое бѣдныхъ на нихъ мѣсяць прожи-

вуть. Вотъ что значить милосердіе!.. Вотъ и въ нашу Кострому такого же милосердаго воеводу поставилъ! А ужъ, батюшка, признательно сказать, разумъ у тебя косыми саженьями надо мѣрить. Тотчасъ смекнулъ, что я только торгъ начинаю...

— Какой тутъ торгъ. Четырехъ солдатъ, да 100 рублей на богадѣльню...

— Возьми трехъ. У насъ работъ много, руки нужны...

— Четырехъ!

— Ну, такъ и быть по-твоему! Да тебѣ, милостивцу и разумнику такому, 50 крестовиковъ.

— Взятки! закричалъ полковникъ. — Не хочу ничего! Давай сына!

— Обмолвилась, батюшка, ваше высоблагородіе, убей меня Богъ, обмолвилась! Не буду!

— Видишь, какая, выдумала! Нашъ фискаль Василій Ивановичъ Пазухинъ, какъ собака, чутокъ, тотчасъ донесетъ въ губернію, а отъ Москвы и до государя недалеко! Такъ не умничай! Бабій волосъ длиненъ, да умъ коротокъ!

— Такъ пушай же будетъ по старому уговору, да за здравіе государя, завѣтнаго заморскаго винца прикушай! Ты, я чай, слышалъ, какое у насъ вино хранится.

И Варвара Сергѣевна рассказала исторію своего домашняго сокровища; да какъ рассказала! Такъ краснорѣчиво, такъ увлекательно, что римская твердость Грибоѣдова поколебалась: онъ соблазнился, и Варвара Сергѣевна собственноручно откупорила бутылку, налила бокалъ и, подавъ вино Грибоѣдову, съ на пря-